

В. П. Скобелев

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования гражданской процессуальной дееспособности. В частности, автор анализирует легальное определение процессуальной дееспособности, исследует особенности содержания и реализации процессуальной дееспособности организаций, в том числе хозяйственных товариществ, а также различных категорий несовершеннолетних и совершеннолетних граждан. На основе проведенного исследования автор вносит целый ряд предложений по совершенствованию действующего процессуального законодательства.

The article is devoted to the problems of legal regulation of civil procedural capacity. In particular, the author analyzes the legal definition of procedural capacity, explores the features of the content and implementation of procedural capacity of organizations, including business partnerships, as well as various categories of juvenile and adult citizens. Based on the research the author makes a number of proposals to improve the existing procedural legislation.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное законодательство, субъекты гражданского процесса, гражданская процессуальная дееспособность.

Keywords: civil justice, civil procedural law, subjects of civil procedure, civil procedural capacity.

Гражданская процессуальная дееспособность является одним из важнейших элементов в механизме судебной защиты прав и охраняемых законом интересов. Так, если обладание гражданской процессуальной правоспособностью позволяет физическим и юридическим лицам всего лишь только формально считаться субъектами регулируемых отраслью гражданского процессуального права отношений или, другими словами, приобрести формальный статус участников гражданского судопроизводства, то с наличием гражданской процессуальной дееспособности граждане и организации, являющиеся участниками судопроизводства, получают возможность фактически и самостоятельно осуществлять в суде свои процессуальные права и обязанности. Поэтому, очевидно, не будет преувеличением сказать, что вопросы гражданской процессуальной дееспособности как никакие иные аспекты судопроизводства требуют точной, исчерпывающей и системной регламентации на законодательном уровне. ГПК БССР 1964 г. в целом достаточно подробно регулировал указанные вопросы; новый ГПК Республики Беларусь 1999 г. (далее – ГПК) сохранил в этом плане преемственность.

Тем не менее, в обозначенной области все еще имеется ряд трудностей и проблем, ожидающих своего решения. Кроме того, особую актуальность исследование института гражданской процессуальной дееспособности приобретает в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» [1], которым помимо всего прочего были внесены значительные изменения (требующие тщательного доктринального осмысления) и в ст. 59 «Гражданская процессуальная дееспособность» ГПК. Ранее мы уже обращались, правда, весьма тезисно, к некоторым из вопросов, имеющих отношение к заявленной теме [2, с. 304–306], однако важность предмета исследования требует еще раз, теперь уже более подробно, остановиться на этих и некоторых других проблемах.

Прежде всего хотелось бы заметить, что посвященная регулированию вопросов гражданской процессуальной дееспособности ст. 59 ГПК не называет прямо (равно как в свое время и ст. 88 ГПК БССР 1964 г.) тех субъектов процесса, к которым она имеет отношение. Конечно, содержание данной статьи (она говорит о лицах, чьи интересы подлежат защите в процессе, содержит ссылку на ст. 58 ГПК), а также ее структурное расположение в Кодексе (ст. 59 ГПК следует сразу же за нормами о гражданской процессуальной правоспособности сторон и третьих лиц) приводят нас к выводу о том, что она регламентирует процессуальную дееспособность лишь лиц, имеющих материально-правовую заинтересованность в исходе дела. Тем не менее данный момент, на наш взгляд, требует легального уточнения, например, путем дополнения наименования ст. 59 ГПК словами «непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц».

При этом заметим: сказанное отнюдь не означает отрицания нами гражданской процессуальной дееспособности (а точнее – гражданской процессуальной правосубъектности как единства право- и дееспособности, поскольку у этих лиц способность к обладанию процессуальными правами и обязанностями неразрывно связана со способностью к их осуществлению) у иных субъектов процесса – суда и его должностных лиц; участников гражданского судопроизводства, имеющих государственный, общественный и иной интерес к исходу дела (прокурора, представителя и др.); лиц, не имеющих юридической заинтересованности (свидетеля, эксперта, специалиста и т. п.). Как раз наоборот, мы полностью разделяем мнение тех авторов, которые полагают, что процессуальные право- и дееспособность являются необходимыми условиями реального осуществления своих прав и обязанностей в суде для всех участников процесса [3, с. 17–19, 25, 26, 27; 4, с. 67, 69–72; 5, с. 67–71,

186; 6, с. 77, 117; 7, с. 11]. Просто, по нашему мнению, нет никакой необходимости вводить в Кодекс специальные нормы о процессуальной правосубъектности указанных участников судопроизводства, так как подобные нормы в законодательстве фактически уже присутствуют: они «скрыты» под видом требований, предъявляемых законодателем к тем или иным субъектам процесса, и находятся не только в ГПК, но и в других нормативных правовых актах. Так, например, процессуальная правосубъектность суда и его должностных лиц связана с формированием учреждения юстиции и назначением его должностных лиц в предусмотренном Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, а также иными актами законодательства порядке; правосубъектность прокурора обусловлена назначением гражданина в соответствии с Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» на должность прокурорского работника; правосубъектность свидетеля возникает при достижении гражданином такого уровня психофизического развития, который позволяет ему правильно воспринимать факты объективной реальности и давать о них верные показания, и т. д. Следовательно, ст. 59 «Гражданская процессуальная дееспособность» ГПК может иметь отношение только к тем участникам гражданского судопроизводства, которые обладают непосредственной заинтересованностью в исходе дела, и данное обстоятельство должно быть четко отражено в наименовании этой статьи.

В содержании гражданской процессуальной дееспособности ч. 1 ст. 59 ГПК выделяет (продолжая тем самым еще советские традиции в регулировании данного вопроса – см. ч. 1 ст. 88 ГПК БССР 1964 г.) два относительно самостоятельных элемента: 1) способность «своими действиями осуществлять свои права, выполнять обязанности в суде» и 2) способность «поручать ведение дела представителю». Очевидно, тем самым законодатель хотел сказать, что поручение ведения дела представителю по своей природе есть явление совсем иного порядка, нежели реализация процессуального права, а именно: такое поручение представляет собой гражданско-правовую сделку. Отсюда вполне закономерен вывод, что при определении способности участника гражданского судопроизводства поручать ведение дела представителю, равно как и при решении иных вопросов судебного представительства, во внимание должны приниматься нормы гражданского законодательства. Так, например, наличие у участника гражданского судопроизводства первого элемента процессуальной дееспособности в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 59 ГПК (здесь мы имеем в виду редакцию данной нормы до внесения в нее изменений Законом от 4 января 2012 г. № 337-3), еще не означает обладание им и вторым ее элементом, поскольку способность поручать ведение дела представителю возникает у лица с появлением способности самостоятельно совершать гражданско-правовые сделки (буквальная редакция ч. 3 ст. 59 ГПК до внесения в нее изменений Законом от 4 января 2012 г. № 337-3 давала все основания для подобного вывода, поскольку говорила о том, что «несовершеннолетние лично защищают в суде свои права и охраняемые законом интересы» и ничего не упоминала об их праве поручать ведение дела представителю).

Согласиться с этим вряд ли возможно. При таком подходе способность поручать ведение дела представителю в суде полностью охватывается содержанием гражданской дееспособности, а судебное представительство сливается с гражданско-правовым. В действительности, по нашему глубокому убеждению, представительство в суде и представительство в гражданском праве являются различными и совершенно самостоятельными правовыми институтами. Как четко видно из содержания ч. 1 п. 1 ст. 183 ГК («сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, законодательстве либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого»), гражданско-правовое представительство предполагает передачу полномочий только на совершение *гражданско-правовых сделок*. Представительство же судебное влечет передачу полномочий на совершение действий *процессуального характера*: «полномочия на ведение дела в суде дают представителю право на совершение от имени представляемого всех процессуальных действий» (ч. 1 ст. 79 ГК).

Кстати, изменения, внесенные Законом от 4 января 2012 г. № 337-3 в ч. 3 ст. 59 ГПК, только подтверждают тезис о самостоятельности и независимости гражданско-правового и судебного представительства. Так, в ч. 3 ст. 59 ГПК теперь прямо говорится, что несовершеннолетние, достигшие возраста 14 лет, имеют право «пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей, усыновителей, попечителей». Если бы поручение ведения дела в суде представителю являлось гражданско-правовой сделкой, то, очевидно, указанная выше новелла не появилась бы в тексте ч. 3 ст. 59 ГПК, поскольку в соответствии со ст. 25 ГК несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет без согласия своих законных представителей вправе совершать лишь достаточно узкий круг сделок, куда поручение ведения дела судебному представителю не входит.

Поручая ведение дела в суде представителю, лицо совершает не гражданско-правовую сделку, а осуществляет предусмотренное ст. 14, 70 ГПК процессуальное правомочие или, другими словами, реализует первый из названных в ч. 1 ст. 59 ГПК элементов процессуальной дееспособности. При этом отношения, возникающие в этом случае между представителем и представляемым, нужно квалифицировать если и не процессуальными (поскольку в науке принято считать, что процессуальных правоотношений без участия суда не бывает), то, по крайней мере, тесно связанными с ними особыми организационными отношениями, но никак не отношениями гражданско-правового характера.

Следовательно, способность поручать ведение дела представителю в суде, равно как и другие аспекты судебного представительства, составляют предмет регулирования не гражданского, а исключительно гражданского процессуального права. Ничего не меняет и тот факт, что для решения некоторых вопросов судебного представительства (например, о сроке действия доверенности) мы обращаемся к нормам Гражданского кодекса. В таких случаях имеет место не прямое применение норм гражданского права, а их субсидиарное заимствование ввиду неурегулированности соответствующих вопросов нормами отрасли гражданского процессуального права. Использование в подобных ситуациях норм ГК говорит не столько о том, что гражданское и судебное представительство образуют единый институт, сколько о том, что нормы ГПК в части регламентации судебного представительства требуют дальнейшего совершенствования.

Таким образом, в выделении второго элемента процессуальной дееспособности, названного в ч. 1 ст. 59 ГПК, нет никакого смысла, он полностью охватывается первым ее элементом – способностью «своими действиями осуществлять свои права, выполнять обязанности в суде», а значит, слова «поручать ведение дела представителю» из ч. 1 ст. 59 ГПК следует исключить. На это в свое время мы уже обращали внимание [8, с. 199–200, 201]. В этой связи небезынтересно отметить, что ГПК Узбекистана 1997 г. и ГПК Украины 2004 г. при определении гражданской процессуальной дееспособности уже не выделяют в качестве ее отдельного элемента способность поручать ведение дела представителю [9].

Согласно ч. 1 ст. 59 ГПК несовершеннолетним гражданам процессуальная дееспособность принадлежит в полном объеме «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иным законодательством Республики Беларусь». Вся проблема заключается лишь в том, что ни ГПК, ни какие-либо иные нормативные акты таких случаев не предусматривают (нельзя к этим случаям отнести и ч. 3 ст. 59 ГПК, в том числе в ее нынешней новой редакции, поскольку хоть данная норма и предоставляет несовершеннолетним, достигшим возраста 14 лет, право лично обращаться в суд, однако наряду с этим позволяет суду вовлекать в процесс законных представителей несовершеннолетних для оказания последним помощи, а значит, в какой-то мере ограничивает процессуальную дееспособность указанных несовершеннолетних). Правда, в отечественной литературе принято считать, что полностью процессуально дееспособными являются те несовершеннолетние, которые вступили в брак или были эмансипированы – ст. 20, 26 ГК [10, с. 126, 127; 11, с. 56; 12, с. 103]. Однако со строго юридической точки зрения такой подход не совсем верен, поскольку ст. 20, 26 ГК регламентируют вопросы приобретения полной гражданской *материальной*, а не процессуальной дееспособности. В этой связи мы полагаем, что в ГПК необходимо прямо оговорить случаи приобретения несовершеннолетними полной процессуальной дееспособности по примеру того, как это сделано в ч. 2 ст. 37 ГПК Российской Федерации. Для этого в ч. 1 ст. 59 ГПК выражение «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иным законодательством Республики Беларусь» следует заменить словами «в случаях вступления в брак или эмансипации».

Часть 1 ст. 59 ГПК декларирует положение о полной гражданской процессуальной дееспособности юридических лиц. В то же время в Кодексе присутствуют положения, значительно ограничивающие эту способность организаций. Например, полная процессуальная дееспособность юридических лиц означает их право действовать в суде через свои любые, наделенные соответствующей компетенцией, органы. Однако ч. 2 ст. 70 ГПК, позволяя юридическим лицам вести дела через единоличные органы, не разрешает им это делать посредством коллегиальных органов управления; в последнем случае юридическое лицо обязано направлять в суд представителя. Данная проблема и пути ее решения уже были нами подробно рассмотрены ранее [13, с. 33].

В этой связи небезынтересно заметить, что в хозяйственном процессе подобная проблема отсутствует, так как ст. 76 ХПК не делает никаких оговорок относительно количественного состава органов, которые могут действовать в хозяйственном суде от имени юридических лиц.

Кроме того, существуют проблемы, связанные с реализацией гражданской процессуальной дееспособности теми юридическими лицами, которые не имеют органов управления, в частности, хозяйственными товариществами.

Согласно ч. 2 ст. 70 ГПК дела юридических лиц в суде могут вести только их органы и представители (буквальная редакция данной нормы относит органы юридических лиц к числу представителей

последних, что, конечно же, является неверным [13, с. 32–33]). Поскольку у хозяйственных товариществ органов управления нет, то вести свои дела в общих судах они смогут только через представителей. Следовательно, получается, что, несмотря на предписания ч. 1 ст. 59 ГПК, хозяйственные товарищества фактически процессуальной дееспособностью не обладают, так как не могут вести свои дела в общих судах самостоятельно, не прибегая к помощи представителей. Причем помимо чисто юридических коллизий данная ситуация чревата и весьма серьезными практическими последствиями: она создает хозяйственным товариществам определенные затруднения в реализации своей процессуальной дееспособности (необходимость поиска представителя, оформления его полномочий, выплаты ему вознаграждения и т. д.) и, в конечном счете, ухудшает процессуальное положение хозяйственных товариществ по сравнению с юридическими лицами иных разновидностей. Кстати, применительно к российскому законодательству на данную проблему уже обращал внимание С. А. Халатов [5, с. 86–88, 187].

Правда, некоторые отечественные ученые не замечают здесь никаких проблем. По их мнению, хозяйственное товарищество может вести свои дела в суде через органы управления, каковыми являются участники соответствующего товарищества [12, с. 123]. С подобным мнением сложно согласиться. Ведь из содержания ст. 66–85 ГК явно следует, что органов управления у командитных и полных товариществ нет. В действительности хозяйственные товарищества представляют собой такие организации, которые реализуют свою материальную дееспособность не через органы управления (поскольку у них таковые просто отсутствуют), а, как указано в п. 2 ст. 49 ГК, через своих участников. По логике вещей, через своих участников (конечно, с учетом положений учредительных документов, распределяющих между участниками полномочия) хозяйственные товарищества должны иметь возможность реализовывать и свою процессуальную дееспособность. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания для того, чтобы дополнить ст. 70 ГПК нормой следующего содержания: «Дела юридических лиц, не имеющих органов, ведут в суде их участники в соответствии с положениями учредительных документов и (или) представители».

Подобной нормой было бы целесообразно дополнить и хозяйственное процессуальное законодательство, так как ст. 76 ХПК позволяет вести дела юридических лиц в хозяйственном суде также только их органам и представителям.

Далее, нельзя не заметить, что в ч. 1 ст. 59 ГПК не урегулирован вопрос о гражданской процессуальной дееспособности организаций, не обладающих статусом юридического лица, которые согласно ч. 1 ст. 58 ГПК в предусмотренных законом случаях могут являться участниками гражданского судопроизводства. Думается, что решаться этот вопрос должен точно так же, как и для организаций, являющихся юридическими лицами [12, с. 103], в связи с чем предлагаем в ч. 1 ст. 59 ГПК слова «юридическим лицам» заменить термином «организациям».

Норма ч. 2 ст. 59 ГПК не позволяет гражданам, признанным ограниченно дееспособными, самостоятельно защищать свои интересы в суде, что вызывает ряд возражений.

Во-первых, несмотря на существование определенной взаимосвязи между дееспособностью материальной и процессуальной, сам по себе факт ограничения гражданина в материальной дееспособности еще не означает того, что некоторым ограничениям он автоматически должен быть подвергнут и в процессуальной сфере [4, с. 26].

Во-вторых, ограничение материальной дееспособности носит строго целевой характер и имеет свои пределы, поэтому в лучшем случае правило ч. 2 ст. 59 ГПК следовало бы распространить лишь на споры (дела) из тех правоотношений, в которых материальная дееспособность гражданина ограничена.

Так, думается, нет никаких разумных оснований для ограничения процессуальной дееспособности граждан, например, по делам, вытекающим из административно-правовых отношений, делам о восстановлении на работе, о реализации неимущественных прав автора, семейным спорам и т. п. Непризнание в подобных случаях за соответствующими гражданами полной процессуальной дееспособности может приводить к весьма курьезным и даже тупиковым ситуациям: если законным представителем гражданина, ограниченного в материальной дееспособности, является его супруга, то выступление такого гражданина в качестве истца по делу о расторжении брака или об оспаривании отцовства ребенка, родившегося в период брака, по вполне понятным причинам становится фактически нереальным. Наверное, не случайно поэтому некоторые авторы вопреки прямому предписанию ч. 2 ст. 59 ГПК, однако в соответствии с логикой здравого смысла, указывают, что ограниченно дееспособные граждане вправе самостоятельно защищать в суде свои интересы неимущественного характера [12, с. 103, 245].

Кстати, следует заметить, что действующее законодательство все-таки не отличается последовательностью в регулировании вопросов процессуальной дееспособности граждан, ограниченных в материальной дееспособности. Ведь если интересы ограниченно дееспособных граждан защищаются в суде их законными представителями, это значит, что сами данные граждане обращаться в суд не вправе. Между тем ст. 246 ГПК не предусматривает такого основания для отказа в

возбуждении дела (а ст. 165 ГПК – основания для оставления заявления без рассмотрения), как «заявление подано лицом, признанным ограниченно дееспособным». Нормы ст. 160, 161 ГПК не предусматривают возможности приостановления производства на тот случай, если в период разбирательства дела в отношении стороны процесса вступит в законную силу решение суда о признании ее ограниченно дееспособной; приостановление производства по делу влечет только полная утрата стороной материальной дееспособности – п. 2. ч. 1 ст. 160 ГПК (хотя некоторые авторы предлагают распространять действие данной нормы и на случаи ограничения граждан в дееспособности [10, с. 496; 12, с. 231]). Часть 2 ст. 376 ГПК прямо позволяет названным гражданам обращаться в суд с требованием об отмене ограничения дееспособности. А пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2006 г. № 10 «О практике применения законодательства, обеспечивающего право граждан на судебную защиту, и мерах по повышению ее эффективности в общих судах» признает возможность обращения указанных граждан в суд, по существу, в виде общего правила: «в случаях *обращения в суд несовершеннолетних, а также граждан, признанных ограниченно дееспособными* (ст. 59 ГПК), при отсутствии у них законного представителя, в целях обеспечения гарантии реального равноправия сторон следует принимать меры для привлечения законного представителя или назначения таким лицам представителя согласно ст. 77 ГПК, а также признавать необходимым по таким делам участие прокурора».

Аналогичная непоследовательность в регулировании процессуальной дееспособности имеет место и в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет: из содержания ч. 2 ст. 59 ГПК следует, что они не вправе самостоятельно обращаться в суд, в то же время ст. 246 и ст. 165 ГПК не предусматривают негативных последствий такого обращения, а только что приведенная норма постановления Пленума Верховного Суда возможность обращения указанных несовершеннолетних в суд допускает непосредственно (хотя в литературе в подобных случаях предлагается отказывать в возбуждении дела со ссылкой на п. 4 ст. 246 ГПК [12, с. 355; 14, с. 32]).

На наш взгляд, подходы к регламентации процессуальной дееспособности граждан, ограниченных в материальной дееспособности, должны быть изменены. Полагаем, что на этот счет в ст. 59 ГПК следует закрепить отдельную норму примерно следующего содержания: «Права и охраняемые законом интересы граждан, признанных ограниченно дееспособными, защищаются в суде их попечителями, если предмет судебного разбирательства выступают правоотношения, в которых дееспособность этих граждан ограничена; суд обязан привлекать к участию в таких делах самих граждан, признанных ограниченно дееспособными». Помимо этого, п. 2 ч. 1 ст. 165 и п. 4 ст. 246 ГПК нужно дополнить словами «или лицом, признанным ограниченно дееспособным (если иное не следует из положений ст. 59 настоящего Кодекса)». Соответствующим образом надлежит подкорректировать и п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2006 г. № 10. Целесообразно также изложить в новой редакции п. 2 ч. 1 ст. 160 ГПК: «утраты стороной дееспособности или признания стороны ограниченно дееспособной (если иное не следует из положений ст. 59 настоящего Кодекса) – до назначения недееспособному лицу или лицу, ограниченному в дееспособности, представителя».

Что же касается процессуальной дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ч. 2 ст. 59 ГПК), то существующую в настоящее время неопределенность в правовом регулировании, несомненно, следует устранить. Для этого предлагаем дополнить п. 2 ч. 1 ст. 165 и п. 4 ст. 246 ГПК словами «или лицом, не обладающим полной дееспособностью (если иное не следует из положений ст. 59 настоящего Кодекса)» и внести необходимые исправления в содержание п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2006 г. № 10.

Нельзя обойти вниманием также и те изменения, которые были привнесены в ч. 2 ст. 59 ГПК Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З. Суть данных изменений сводится к предоставлению суду права не привлекать несовершеннолетнего к фактическому участию в процессе, если это противоречит его интересам (согласно первоначальной редакции ч. 2 ст. 59 ГПК на суд возлагалась обязанность в любом случае вовлекать несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в разбирательство дел).

Безусловно, приведенную новеллу стоит только приветствовать, в необходимых случаях она позволит надежно оградить легко ранимую детскую психику от психотравмирующих факторов, связанных с непосредственным присутствием в зале судебного заседания во время рассмотрения дела, причем, думается, особенно востребована эта новация будет по семейным спорам.

Часть 3 ст. 59 ГПК устанавливает особенности гражданской процессуальной дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. В первоначальной (т. е. до внесения в нее изменений Законом от 4 января 2012 г. № 337-З) редакции данной нормы, в частности, говорилось: «в случаях, предусмотренных законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых отношений, административных и иных правоотношений и из сделок, связанных с распоряжением полученным заработком или доходами от предпринимательской деятельности, несовершеннолетние лично

защищают в суде свои права и охраняемые законом интересы». Следует заметить, что данная норма прежде всего была неудачна в том плане, что имевшийся в ней перечень видов правоотношений был явно излишним, поскольку определяющим фактором при выяснении возможности несовершеннолетнего лично защищать свои интересы в суде являлось все-таки именно наличие прямого указания об этом в том или ином законе. Однако тогда здесь обнаруживалась другая проблема: подобные прямые указания имелись лишь в единичных законодательных актах, например, ч. 1 ст. 377 ГПК; ч. 1 ст. 66-1, ч. 1 ст. 103-4, ст. 139, ст. 166, ч. 2 ст. 189 КоБС; ч. 3 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка»; ч. 1 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Значительно чаще право несовершеннолетнего на обращение в суд приходилось устанавливать путем толкования законодательных актов. Например, право несовершеннолетнего на обращение в суд по трудовому спору выводилось из положений о том, что работники имеют право на обращение в суд (п. 9 ст. 11 ТК), а работником может быть и несовершеннолетнее лицо (ст. 21 ТК) [15, с. 496–497]. Также только таким образом можно было установить способность несовершеннолетних на обращение в суд с требованиями о защите своих прав потребителя (в силу п. 2 ст. 25 ГК несовершеннолетний имеет возможность самостоятельно совершать сделки, подпадающие под действие законодательства о защите прав потребителей, а п. 1.6 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О защите прав потребителей» гарантирует потребителю право на обращение в суд); прав члена потребительского общества (согласно ч. 2 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 25 февраля 2002 г. «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Республике Беларусь» членами потребительского общества могут быть граждане, достигшие 16-летнего возраста, а ч. 1 ст. 12 этого же Закона предоставляет членам потребительского общества право обжаловать в судебном порядке решения органов управления данного общества); прав вкладчика (в соответствии с п. 2 ст. 25 ГК несовершеннолетний может быть вкладчиком, а ст. 9 Закона Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц» закрепляет право вкладчика на обращение в суд) и т. д.

Думается, однако, что процессуальная дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет должна зависеть не от хаотично разбросанных по законодательным актам указаний (в прямой или имплицитной, требующей толкования, форме) о праве на обращение в суд, а определяться совсем иными факторами. На наш взгляд, несовершеннолетние должны наделяться правом на обращение в суд по спорам (делам) из тех правоотношений, в которых они приобрели полную материальную дееспособность. Именно этот подход и следовало бы реализовать в ч. 3 ст. 59 ГПК. Между тем законодатель при изложении ч. 3 ст. 59 ГПК в новой редакции Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-3 пошел по совсем иному пути: предоставил несовершеннолетним, достигшим возраста 14 лет, право лично обращаться в суд с заявлениями о защите своих прав и охраняемых законом интересов по абсолютно любым категориям дел (в тексте ч. 3 ст. 59 ГПК говорится именно о праве на обращение в суд, однако не подлежит сомнению, что здесь подразумевается также и право несовершеннолетних на само ведение дела в суде).

Согласиться с таким подходом никак нельзя. Во-первых, такое бессистемное расширение процессуальной дееспособности приводит к тому, что несовершеннолетние приобретают право на принудительное (судебное) осуществление тех материальных правомочий, которые они не вправе реализовывать своими действиями в добровольном (внесудебном) порядке, что явно нелогично. Так, например, очень сложно представить, как 15-летний подросток сможет вести в суде дело о защите своих наследственных прав.

В этой связи интересно обратить внимание на позицию, которую по этому поводу высказал Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 27 декабря 2011 г. № Р-663/2011 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь”», вынесенном в порядке осуществления предварительного конституционного контроля [16]. По мнению Конституционного Суда (см. п. 2 решения) изменения, внесенные в ч. 3 ст. 59 ГПК, были направлены на реализацию положений ст. 13 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка». В части 3 ст. 13 названного Закона, в частности, говорится, что в случае нарушения прав ребенка, которые определены Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г. и иными актами законодательства Республики Беларусь, ребенок, достигший 14 лет, имеет право обратиться в суд с заявлением о защите своих прав и законных интересов. Представляется, однако, что под «правами ребенка» в данной норме подразумевается не абсолютно весь комплекс правомочий, которыми в принципе может обладать несовершеннолетнее лицо, а только те из них, которые имеют отношение к особым социально-экономическим гарантиям, предоставляемым государством детям как наиболее незащищенной и уязвимой категории населения (например, права в сфере воспитания, образования, взаимоотношений с родителями и т. п.). Это обстоятельство, на наш

взгляд, как раз и упустил из виду Конституционный Суд, одобряя вносимые в ч. 3 ст. 59 ГПК изменения.

Во-вторых, в своей новой редакции ч. 3 ст. 59 ГПК приходит в полное противоречие с ч. 2 этой же статьи: в силу ч. 3 ст. 59 ГПК несовершеннолетние, достигшие возраста 14 лет, вправе по любым категориям дел *самостоятельно* обращаться в суд, в то время как в соответствии с ч. 2 ст. 59 ГПК права тех же самых несовершеннолетних всегда защищаются *только их законными представителями*.

Таким образом, новая редакция ч. 3 ст. 59 ГПК является однозначно неудачной и требует дальнейшего совершенствования в предложенном нами выше направлении.

С первоначальной редакцией ч. 3 ст. 59 ГПК была связана также еще одна проблема: имеют ли несовершеннолетние, участвующие в процессе в порядке ч. 3 ст. 59 ГПК, право поручать ведение своего дела в суде представителю.

Принимая во внимание тот факт, что ч. 1 ст. 59 ГПК определяет содержание гражданской процессуальной дееспособности через два самостоятельных элемента – во-первых, способность своими действиями (или, другими словами, лично) осуществлять свои права и выполнять обязанности в суде и, во-вторых, способность поручать ведение дела представителю – некоторые ученые приходили к выводу о том, что употреблявшееся в первоначальной редакции ч. 3 ст. 59 ГПК выражение «лично защищают в суде свои права и охраняемые законом интересы» подразумевает наделение несовершеннолетних лишь первым элементом дееспособности и не затрагивает ее второго компонента [12, с. 104; 17, с. 187; 18, с. 194]. Ранее мы уже достаточно подробно обосновывали несостоятельность такой точки зрения [8, с. 199–202]. К этому можно было бы также добавить все те аргументы, которые выше были нами приведены в обоснование неправомерности дробления содержания процессуальной дееспособности в тексте ч. 1 ст. 59 ГПК на два самостоятельных элемента.

Констатируя наличие у несовершеннолетних права поручать ведение дела представителю, мы в то же время высказали пожелание о необходимости (во избежание на этот счет всяческих разночтений) уточнения редакции нормы ч. 3 ст. 59 ГПК в соответствующей части [8, с. 201].

Следует с удовлетворением отметить, что такое уточнение произведено Законом от 4 января 2012 г. № 337-З: теперь в ч. 3 ст. 59 ГПК прямо сказано, что несовершеннолетние вправе в любой момент пользоваться помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей, усыновителей, попечителей. К сожалению, ценность данной новеллы в значительной степени девальвируется названными выше недостатками новой редакции ч. 3 ст. 59 ГПК.

Помимо трудностей, связанных с надлежащим нормативным выражением в ГПК особенностей гражданской процессуальной дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, здесь существуют также проблемы чисто правореализационного характера, обусловленные неточным исполнением или даже игнорированием уже имеющихся правовых предписаний (здесь мы прежде всего имеем в виду положения ч. 3 ст. 59 ГПК в ее первоначальной редакции). Например, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 8 постановления от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» разъяснил, что с требованием о признании трудового договора недействительным в суд вправе обратиться законные представители несовершеннолетнего работника, чем существенно ущемил процессуальную дееспособность несовершеннолетних, обладающих правом самостоятельно защищать в суде свои интересы в сфере трудовых отношений [15, с. 497]. В другом случае надзорная инстанция, отменяя определение о прекращении производства по делу (о взыскании с нанимателя сумм невыплаченного заработка и морального вреда) в связи с отказом истцов от иска, помимо всего прочего указала: «принимая отказ от иска, суд, в нарушение положений ст. 59 ГПК, не учел несовершеннолетний возраст Д., который, не обладая полной гражданской процессуальной дееспособностью, самостоятельно защищал свои права в суде, без привлечения к участию в деле его законного представителя» [19, с. 69]. Между тем совершенно очевидно, что несовершеннолетний был вправе абсолютно самостоятельно вести свое трудовое дело в суде и совершать по нему любые распорядительные действия.

ГПК не отвечает на вопрос о том, какое значение имеют процессуальные действия, совершаемые несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, а также гражданами, признанными ограниченно дееспособными, при участии этих лиц в деле одновременно со своими законными представителями в порядке ч. 2 ст. 59 ГПК. Думается, что определяющей здесь следует считать волю законных представителей, поскольку в таких случаях именно на них законодателем возлагается реализация функции основной защиты, участие же в деле несовершеннолетних и граждан, признанных ограниченно дееспособными, носит дополнительный, субсидиарный характер по отношению к деятельности законных представителей. Поэтому суд должен принимать процессуальные действия (в том числе распорядительного характера) несовершеннолетних и ограничено дееспособных только при условии одобрения этих действий законными представителями. В этом плане можно провести аналогии с иными отраслями права. Например, в соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 25 ГК несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут совершать сделки по общему правилу только *с письменного согласия*

своих законных представителей. Точно так же не подлежит прекращению производство по уголовному делу частного обвинения за примирением с обвиняемым несовершеннолетнего или недееспособного потерпевшего, *если против этого возражает его законный представитель* (см. п. 11 постановления Пленума Верховного Суда от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения»).

В то же время если несовершеннолетний участвует в деле вместе со своим законным представителем, привлеченным в процесс судом для оказания помощи несовершеннолетнему в порядке ч. 3 ст. 59 ГПК (здесь мы абстрагируемся от того противоречия, в котором сейчас находятся ч. 2 и 3 ст. 59 ГПК, и имеем в виду соотношение между данными нормами, существовавшее до вступления в действие Закона от 4 января 2012 г. № 337-З), то, на наш взгляд, приоритет должен отдаваться волеизъявлениям именно несовершеннолетнего, а не его законного представителя, так как здесь уже участие несовершеннолетнего в процессе носит основной характер, а участие законного представителя – субсидиарный, дополнительный. Соответственно необходимость в санкционировании законным представителем процессуальных действий несовершеннолетнего отсутствует, скорее даже наоборот: суд должен принимать процессуальные действия законного представителя только при условии одобрения их несовершеннолетним.

Полагаем, что приведенные выше положения должны найти свое закрепление в ч. 2 и 3 ст. 59 ГПК или, в крайнем случае, на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Согласно ч. 4 ст. 59 ГПК права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, защищаются в суде их законными представителями, т. е. данная норма рассматривает несовершеннолетних в этом возрасте полностью процессуально недееспособными и исключает их фактическое участие в производстве по гражданским делам. Однако нельзя не заметить, что в ряде случаев отечественное законодательство допускает совершение отдельных процессуальных действий несовершеннолетними, не достигшими возраста 14 лет и занимающими в деле положение непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц.

В качестве примера можно привести положения брачно-семейного законодательства, обязывающие суд при рассмотрении некоторых категорий дел учитывать мнение (желание, согласие) ребенка, достигшего возраста 10 лет, – ч. 4 ст. 74, ч. 2 ст. 79, ч. 4 ст. 85, ст. 130, ч. 2 ст. 138, ч. 4 ст. 140 КоБС. Кроме того, п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» разрешает суду при рассмотрении дел о восстановлении в родительских правах выяснять и принимать во внимание мнение ребенка, достигшего 10-летнего возраста. Наконец, ч. 2 ст. 184 ГПК позволяет суду получать объяснения от несовершеннолетних стороны, третьего лица или заявителя без каких бы то ни было оговорок относительно минимального возраста последних.

Очевидно, следует согласиться с Г. Л. Осокиной, что здесь мы имеем дело с усеченной, частичной, существующей в порядке исключения процессуальной дееспособностью несовершеннолетних в возрасте до 14 лет [4, с. 76–77]. Не возражая против подобной практики в принципе, тем не менее полагаем, что она должна быть легализована на уровне правил о гражданской процессуальной дееспособности, в связи с чем предлагаем дополнить ч. 4 ст. 59 ГПК нормой примерно следующего содержания: «В предусмотренных законодательством случаях суд вправе привлекать несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, к участию в деле для совершения отдельных процессуальных действий».

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на следующий момент. Термин «дееспособность» достаточно часто употребляется законодателем в тексте ГПК без какой бы то ни было конкретизации, какая именно дееспособность имеется в виду – материальная (гражданско-правовая) или процессуальная (см. ч. 2, 4 ст. 59, ч. 1 ст. 72, п. 2 ст. 73, ч. 1 ст. 74, ч. 5 ст. 104, п. 2 ч. 1 ст. 160 и другие статьи ГПК). Судя по контексту названных норм, а также с учетом сложившейся практики их применения, во всех подобных случаях под «дееспособностью» подразумевается дееспособность лиц в материально-правовой сфере. Представляется, однако, что во избежание путаницы указание на материально-правовую дееспособность в ГПК должно носить явный и недвусмысленный характер, а следовательно, в соответствующие статьи Кодекса нужно внести необходимые уточнения.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что нормы о гражданской процессуальной дееспособности все еще далеки от совершенства и требуют определенных корректив. В частности, с учетом высказанных выше замечаний ст. 59 ГПК целесообразно изложить в следующей новой редакции:

«Статья 59. Гражданская процессуальная дееспособность непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц

Способность своими действиями осуществлять свои права и выполнять обязанности в суде (гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим

совершеннолетия, несовершеннолетним – в случаях вступления в брак или эмансипации, организациям, обладающим гражданской процессуальной правоспособностью (часть первая статьи 58 настоящего Кодекса).

Права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет защищаются в суде их родителями, усыновителями или попечителями. Права и охраняемые законом интересы граждан, ограниченных в гражданской дееспособности, защищаются в суде их попечителями, если предметом судебного разбирательства выступают правоотношения, в которых дееспособность этих граждан ограничена. Суд обязан привлекать к участию в таких делах несовершеннолетних или граждан, ограниченных в гражданской дееспособности, за исключением случаев, когда привлечение несовершеннолетних к участию в деле противоречит их интересам. Процессуальные действия, совершаемые привлеченными в процесс несовершеннолетними или гражданами, ограниченными в гражданской дееспособности, имеют юридическое значение при условии одобрения их законными представителями.

Несовершеннолетние, достигшие четырнадцати лет, имеют право лично обратиться в суд с заявлением по спорам (делам) из тех правоотношений, в которых они приобрели полную материальную дееспособность, а также пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей, усыновителей, попечителей. Вопрос о привлечении к участию в таких делах родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних для оказания им помощи решается судом. Процессуальные действия привлеченных в процесс родителей, усыновителей или попечителей имеют юридическое значение при условии одобрения их несовершеннолетними.

Права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, а также граждан, признанных недееспособными в гражданско-правовой сфере, защищаются в суде их законными представителями – родителями, усыновителями или опекунами. В предусмотренных законодательством случаях суд вправе привлекать несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, к участию в деле для совершения отдельных процессуальных действий».

Помимо этого, в целях обеспечения системности правового регулирования изменения (описанные нами выше) следует внести в ряд других статей Кодекса – ст. 70, 160, 165, 246 ГПК, а также в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2006 г. № 10 «О практике применения законодательства, обеспечивающего право граждан на судебную защиту, и мерах по повышению ее эффективности в общих судах».

Библиографические ссылки

1. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 8. – 2/1889.
2. *Скобелев В. П.* Гражданская процессуальная право- и дееспособность: некоторые проблемы правового регулирования // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 25 нояб. 2011 г. / НЦЗПИ ; редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – С. 303–306.
3. *Щеглов В. Н.* Субъекты судебного гражданского процесса. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979.
4. *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть : учеб. пособие. – М. : Юристъ, 2004.
5. *Халатов С. А.* Представительство в гражданском и арбитражном процессе. – М. : НОРМА, 2002.
6. Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. – М. : ТК Велби, Проспект, 2004.
7. *Туманова Л. В.* Актуальные проблемы участия в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, и органов государственного управления, дающих заключение по делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Саратов. юрид. ин-т. – Саратов, 1985.
8. *Скобелев В. П.* Некоторые вопросы представительства в суде по гражданским делам // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 190–203.
9. Кодексы стран СНГ и основные нормативные правовые акты, регулирующие осуществление хозяйственной деятельности и рассмотрение вытекающих из нее споров [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. и прогр. (142 Мб). – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2006
11. *Тихиня В. Г.* Гражданский процесс : учебник : в 2 т. – Минск : УП «Минск. печат. фабрика» Гознака, 2002. – Т. 1.
12. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. – Минск : Тесей, 2005.
13. *Скобелев В.* Проблемы правового регулирования представительства в гражданском процессе // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 5. – С. 32–36.
14. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2007.

15. *Скобелев В. П.* Защита прав работника и нанимателя: некоторые процессуальные аспекты // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 5 / редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – С. 489–498.

16. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 6. – 6/1122.

17. *Здрок О. Н.* Ювенальная юстиция и гражданское судопроизводство по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь // Теория и практика реализации субъективных прав физических и юридических лиц : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6–7 дек. 2001 г. / редкол. : И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2003. – С. 185–188.

18. *Здрок О. Н.* Принципы судопроизводства по гражданским делам с участием несовершеннолетних // Эффективность осуществления и защиты права как гарантия создания правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 дек. 2004 г. / редкол. : И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : И. П. Логвинов, 2005. – С. 192–195.

19. Обзор кассационно-надзорной практики Верховного Суда Республики Беларусь по гражданским делам за 2008 год // Судовы веснік. – 2009. – № 2. – С. 64–70.

Поступила в редакцию 11.04.2012.